

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

СУЩНОСТЬ КОНФЛИКТА
ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ВОЙНЫ КАК
КУЛЬТУРНОГО КОНФЛИКТА

В.В. Задорожный

THE ESSENCE OF THE WAR
INTERPRETATION CONFLICT
AS THE CULTURAL CONFLICT

Zadorozhny V.V.

The article is devoted to the cultural conflict in one of its concrete social manifestation. The main aspect of the article is the cultural specific character of the war interpretation conflict.

Статья посвящена исследованию культурного конфликта в одном из его конкретных социально значимых проявлений. Основное внимание уделяется анализу культурной специфики конфликта интерпретаций войны.

Вопрос о войне, несмотря на свою кажущуюся простоту, остается вопросом, на который пока нет удовлетворяющего всех действующих социальных субъектов ответа. Он по-прежнему находится в центре общественного обсуждения и продолжает привлекать к себе внимание исследователей, что, несомненно, свидетельствует о его актуальности.

В современной культуре можно выделить несколько дискурсивных практик исследования войны.

Во-первых, продолжают попытки создания общей *теории войны*, объяснения войны на основе познания ее законов. В этом плане сделано немало, но, как представляется, говорить о создании такой теории преждевременно. Принципиальная гипотетичность современного военно-научного знания сохраняет почву для возникновения конфликта интерпретаций войны.

Во-вторых, постоянно пополняется арсенал *философии войны*. Философский дискурс войны нацелен на ее понимание. В этом его отличие от предыдущей исследовательской практики, ориентированной преимущественно на объяснение войны. Расширение понимания войны происходит за счет появления все большего количества ее интерпретаций. Для дальнейшего развития данной дискурсивной практики исследования войны необходимо как можно меньше ограничивать спектр возможных интерпретаций войны. Вследствие этого философия

УДК 130.2

войны не только не исключает, а даже предполагает конфликт интерпретаций войны. Интерпретационный конфликт становится атрибутом философской традиции понимания войны.

В-третьих, продолжает существовать дискурсивная практика совершенствования искусства ведения войны. *Искусство войны* представлено различными национальными военными школами, в рамках которых учат «науке побеждать». В рамках данной дискурсивной практики война также интерпретируется. Но интерпретация войны ориентирована на выявление оптимальной технологии войны по реализации целей политики. Интерпретационный интерес к войне как к технологии достижения победы заслоняет все другие исследовательские интересы. Как победить в современной войне? Этот главный для искусства войны вопрос вызывает острую полемику, обусловленную конфликтом интерпретаций современной войны.

В-четвертых, продолжает развиваться дискурсивная практика предотвращения войны, представленная парадигмой *культуры мира*. Культура мира, имея две стратегические задачи (мир без войны и мир без насилия), применительно к миру без войн ориентирована на совершенствование человеческого навыка управлять войной так, чтобы научиться предотвращать ее появление и сделать жизнь без войн не эпизодической и не периодической, подчиненной циклическим колебаниям, а линейной исторической. Культура мира не может не учитывать негативные последствия той пацифистской практики, которая отрицала войну без какой бы то ни было концепции войны и без доктрины, касающейся способов обеспечения мира. Но, опираясь на теорию и философию войны, она может проецировать движение к миру, лишь так или иначе разрешая конфликт интерпретаций войны.

Существование конфликта интерпретаций войны в имеющихся в современной культуре дискурсивных практиках исследования войны позволяет поставить вопрос о его культурной сущности. Исследование сущности конфликта интерпретаций войны как культурного конфликта во многом зави-

сит от того, исходя из какого понимания культурного конфликта и конфликта в целом оно будет проводиться.

Конфликт – это предельно обостренная форма существования противоречия. Несмотря на существенные оговорки относительно того, что для превращения противоречия в конфликт необходим ряд условий – осознание противоположности интересов, соответствующая мотивация поведения и т.п. – все же исследование конфликта на основе «матрицы» противоречия представляются наиболее продуктивными. В социологии конфликта он понимается как обострение противоречия между потребностями, интересами, ценностями соперничающих сторон. Противоположность ценностей служит основанием для выделения конфликта ценностей в качестве самостоятельного типа конфликта (1, с.102)

Существует точка зрения, согласно которой из общего конфликтологического «ресурса» альтернативных потребностей, несовместимых интересов и противоположных ценностей культурный конфликт вбирает в себя преимущественно ценностную составляющую. Культурный конфликт – это критическая стадия противоречий в ценностно-нормативных установках, ориентациях, позициях, суждениях между отдельными личностями, их группами, личностью и группой, личностью и обществом, группой и обществом, между разными сообществами или их коалициями (2)

Если принять такую точку зрения в качестве исходной для характеристики культурного конфликта, то получается, что он существует и как самостоятельный тип конфликта, и как элемент социального конфликта. Последнее означает, что в содержании социального конфликта, в какой бы сфере жизни общества он не разворачивался, всегда может иметься культурный компонент. Данный компонент обнаруживает себя в виде апелляции конфликтующих сторон к высшим ценностям (Блага, Добра, Справедливости) с надеждой показать гармонию между своими социальными и общечеловеческими ценностями и таким способом оп-

равдать действия по удовлетворению своих потребностей и реализации своих интересов.

Следует отметить, что доминирование ценностной составляющей в социальном конфликте способно изменить его характер, и он может превратиться в культурный конфликт, разворачивающийся в социально-политической сфере. Именно с этих позиций некоторые исследователи подходят к анализу конфликтной природы современной войны. По мнению А.Я. Флиера, война возникает как духовно-технологически не оформленное явление в том смысле, что экономические интересы непосредственно выдаются в виде мотива вооруженной борьбы: первые войны ведутся за лучшее «место под солнцем», преимущественно за территорию и ресурсы (в том числе и человеческие). Однако с возникновением мировых религий появляется новый повод для войн – идеологический. Культурная несовместимость начинает определять развитие конфликтологической основы войны. В качестве первого масштабного насилия на религиозной почве он рассматривает «грандиозное военнополитическое завоевание и культурное «переименование» Передней, Средней и Южной Азии, Северной Африки и даже Испании исламским халифатом». Позднее, как полагает этот исследователь, «по этому же пути пошел и христианский мир: постепенная христианизация большей части Европы, затем Крестовые походы, колонизация и христианизация Америки, потом Африки и т.п.». К войнам, в основе которых – культурная несовместимость, он относит и национально-освободительные (антиколониальные) войны (3, с.204)

Культурную несовместимость религиозного и идеологического содержания цивилизационного развития обыгрывает в своем исследовании и американский исследователь С. Хантингтон, полагая, что на смену войнам идеологического типа (межгосударственным войнам) приходят войны культурных идентичностей (межцивилизационные войны). Основную идею своей работы «Столкновение цивилизаций» он формулирует следующим образом: «Основная идея этого труда заключается в том,

что в мире после «холодной войны» культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом широком уровне являются идентификацией цивилизаций) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта» (4, с.15).

Представляется, что данные примеры достаточны для демонстрации наличия в современной войне наряду с социальной конфликтной основой и культурной конфликтной основы. Причем, если раньше война трактовалась как проявление социальной конфликтности, то ныне в своих глобальных формах (цивилизационная война, террористическая война) все чаще рассматривается в контексте культурной несовместимости.

Однако исследование культурной несовместимости как одного из оснований современной войны выходит за рамки настоящей статьи. В ней феномен культурной несовместимости освещается в ином аспекте – как проявление конфликта интерпретаций войны, культурного конфликта, который развивается по мере углубления понимания войны.

Конфликт интерпретаций войны возник вместе с появлением в культуре противоположных парадигм понимания войны, с концептуальным оформлением взаимоисключающих решений о ее смысле и отношении к ней. Он представляет собой ведущуюся на всем протяжении развития культуры острую полемику (очную и заочную) относительно смысла и значения войны. В ней задействованы все имеющиеся в распоряжении культуры средства (мифология, религия, философия, наука, идеология, искусство).

Зарождаясь в виде позитивного или негативного решения проблемы смысла войны, данный конфликт при дальнейшем развитии становится прерогативой идеологии и протекает в виде конфликта идеологий войны и мира. На стороне идеологии мира – каждый здравомыслящий человек, понимающий, что с общенравственных позиций война – зло. С идеологией войны волей или неволей вынуждены считаться государства, которые в силу ситуации, сложившейся в современном мире, не могут принять после-

довательный пацифизм, исключающий возможность ведения войны, а руководствуются принципами реализма или милитаризма.

Конфликт интерпретаций войны вследствие особой значимости войны для реализации социальных интересов действующих субъектов общественного развития подвергается мощному идеологическому воздействию, но не теряет от этого своего первоначального интеллектуального характера. Однако в интеллектуальном плане было бы неверно представлять конфликт интерпретаций войны исключительно как обострение противоречий между парадигмами в понимании войны, школами, отдельными корифеями военной науки, выдающимися философами, социологами, политологами. Данный конфликт охватывает много самых различных культурных пластов.

Во-первых, он затрагивает глубинные структуры человеческого интеллекта, где совершаются акты самосознания человека по поводу своей рефлексивной возможности осуществить ответственное решение, какой из мыслительных структур (здравому смыслу, рассудку, разуму) отдать предпочтение в вопросе об отношении к войне. На уровне интеллектуальной культуры он протекает в форме острого противоборства между здравым смыслом (общенравственной оценкой войны как зла), политическим рассудком (политическим определением войны как средства, имеющего позитивный политический смысл) и разумом, который хочет взять на себя функции арбитра и разрешить этот спор.

Во-вторых, конфликт интерпретаций разворачивается как противоборство традиций в понимании войны, сложившихся в культуре. Он представляет собой полемику между соперничающими друг с другом интерпретациями войны и охватывает три сферы: интерпретацию *сущности* войны, ее *существования* и *осуществления*.

Конфликт интерпретаций сущности войны – это конфликт в понимании природы войны и ее глубинных оснований. Он протекает в виде соперничества интерпретаций войны как вселенского, космического явления, как природно-биологического явления,

как социально-психологического явления, как психологического явления.

Конфликт интерпретаций сферы существования войны – это конфликт интерпретаций смысла войны. Он поддерживается полемикой между тремя интерпретациями войны. Согласно первой – война бессмысленна (последовательный пацифизм). Согласно второй – война, безусловно, имеет позитивный смысл (милитаризм). Согласно третьей – война, в зависимости от конкретных условий, сохраняет позитивный смысл или его лишается (реализм). В соответствии с этим решается и вопрос о рациональности войны как средства. В данном вопросе также сталкиваются между собой пацифистское неприятие войны как общественно необходимого средства обновления мира, милитаристское понимание войны как предпочтительного средства, эффективность которого доказана историей, и реалистическая трактовка войны как крайнего средства в решении стоящих перед человечеством проблем.

Конфликт интерпретаций сферы осуществления войны – это конфликт интерпретаций войны как технологии. В этой же сфере идет острейшая борьба относительно того, что представляет собой технология ведения современной войны, то есть, как она осуществляется в настоящем и будет осуществляться в будущем. Войны начала двадцать первого века представляются по-разному. Одни полагают, что эти войны не будут похожи на контактные кровопролитные войны прошлого, а будут бесконтактными (5). Другие считают, что войны будут протекать по типу холодной войны с преимущественным применением не физического, а символического насилия (6). Третьи убеждены, что войны будущего – асимметричные войны типа террористической войны, позволяющие в определенной мере уравнивать шансы слабых и сильных в военнотехническом отношении сторон (7). Четвертые полагают, что эти войны будут не межгосударственными, а социумными и облекаться в формы массового социумного сопротивления («мятежевойна») и массового социумного противостояния (гражданская война) (8, 9). Пятые убеждены, что будущая

война станет межкультурным столкновением (4).

В-третьих, в конфликте интерпретаций войны проявляет себя ментальная специфика национальных культур, по-разному представляющих противоречивый социальный опыт человечества, вставшего на путь войны, и свой опыт войн. Исторический опыт России, запечатленный в различных культурных текстах, свидетельствует о том, что для русской культуры характерно неприятие межгосударственной войны как насильственного средства распространения ценностей русского народа. В русской культуре война находит оправдание преимущественно как социальная практика армейских и народных масс, борющихся за освобождение своей страны. Культурный механизм интерпретации войны, защищающий менталитет русского народа, настроен на максимально возможное для государства, активно участвующего в мировой политике, сужение смыслового поля войны. Такой способ культурной интерпретации войны находится в жесткой оппозиции с теми интерпретациями, которые недопустимо для условий ядерного мира расширяют смысловую сферу войны, представляя ее в контексте реализации мировой миссии того или иного народа.

Как бы далеки от решения вопроса о смысле войны ни казались те культурные пласты, в которых наблюдается конфликт интерпретаций войны, они сохраняют с ним связь, поскольку любая интерпретация войны – это универсальная процедура понимания, нацеливающая человеческий интеллект на осмысление войны, выявление наличия или отсутствия у нее смысла, на представление войны в культуре через призму экзистенциальных значений множества связанных с ней явлений. Трактовать подобным образом интерпретацию позволяет убеждение в том, что «интерпретация имеет место там, где есть многосложный смысл, и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов» (10, с. 18).

Следует также подчеркнуть, что интерпретация войны предполагает предварительную интерпретацию огромного количе-

ства самых разнообразных явлений, и все они, так или иначе, оказываются включенными в сферу решения вопроса о смысле войны. Пример такой «включенности» мы находим в философской прозе Н.В. Гоголя. В «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» писатель двумя небольшими, но значимыми штрихами дает характеристику *исторического* контекста *частной* ссоры между миргородскими помещиками. Дата подачи жалобы Иваном Никифоровичем в суд (7 июля 1810 года) и фрагмент разговора между спорщиками о войне, которую «объявили царю нашему», свидетельствуют о том, что описываемые события в Миргороде происходят в то время, когда Россия воевала с Турцией и Ираном.

Упоминание об историческом контексте описываемых в Миргороде событий меняет всю картину произошедшего. Ружье как предмет торга, в ходе которого и возникла ссора между Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем, превращается в своеобразный идентификатор реакции российской провинции на войну. Данный идентификатор начинает свою работу по визуализации социально-гражданских качеств спорящих, как только они начинают высказываться о том, что это за «вещица» – ружье: «любопытная забава», «украшение в комнате приятное», сущая безделица, которую вывешивают выветривать вместе с другим залежалым домашним скарбом. И чем дальше удаляются спорщики от очевидного общественного назначения ружья, тем больше раскрывается отсутствие у этих «двух почтенных мужей» Миргорода какого бы то ни было патриотического чувства. Да и само название города как бы диссонирует с общероссийскими событиями, но гармонирует с обыденной повседневностью провинции, духовно отстраненной от войны, но считающей своим долгом по-обыкательски порассуждать о ней:

«Говорят, – начал Иван Иванович, – что три короля объявили войну царю нашему.

– Да, говорил мне Петр Федорович; что ж это за война? И отчего она?

– Наверное не можно сказать, Иван Никифорович, за что она. Я полагаю, что короли хотят, чтобы мы все приняли турецкую веру.

– Вишь, дурни, чего захотели! – произнес Иван Никифорович, приподняв голову.

– Вот видите, а царь наш и объявил им за то войну. Нет, говорит, примите вы сами веру Христову!

– Что ж? ведь наши побьют их, Иван Иванович!

– Побьют. Так не хотите, Иван Никифорович, менять ружья?» (11, с.126)

Так, художественная конфликтологическая визуализация ружья приоткрывает смысловую завесу войны, принципиальное несовпадение ее значения для центра и провинции. Становится ясно, что воюет не вся Россия, а только царь и армия, а за ними – духовная пустота, которую олицетворяют жители г. Миргорода.

Все изложенное выше относительно культурной сущности конфликта интерпретаций войны как бы подготавливало его дефиницию: *конфликт интерпретаций войны – это специфический вид культурного конфликта, отличающийся несовместимостью парадигм понимания войны и традиций ее культурной презентации.*

Сущностную специфику конфликта интерпретаций современной войны как культурного конфликта уточняют следующие положения.

1. В конфликте интерпретаций современной войны находит выражение противоречивость социокультурной практики человечества, вставшего на путь войны и в то же время надеющегося прийти к миру без войн.

2. Конфликт интерпретаций современной войны разворачивается в сфере духовной культуры, имея в качестве своей онтологической предпосылки постоянное изменение войны, в качестве гносеологической предпосылки – борьбу старого с новым в ее понимании, в качестве аксиологической основы – противоположные ценностные установки в решении проблемы смысла войны.

3. В прошлом обострение конфликта интерпретаций войны в пространстве куль-

туры имело идеологическую подоплеку (борьба идеологии мира против идеологии войны). В настоящем отмечается частичная деидеологизация данного конфликта и смещение фронта интерпретационной полемики в сферу культуры, в лоно бескомпромиссной борьбы культуры ненасилия с культурой насилия, где он протекает в форме противостояния культуры мира и культуры войны.

4. Динамика конфликта интерпретаций современной войны в сфере политической культуры показывает наличие существенной подвижки в направлении ослабления позиций культуры войны. Данная подвижка заключается в том, что милитаризм, по существу, уступил свое место в полемике с пацифизмом реализму, который значительно сужает смысловую сферу войны.

5. В настоящее время конфликт интерпретаций войны протекает в виде полемики между представителями характерной для реализма парадигмы понимания войны, в рамках которой война имеет политический смысл или лишается его в зависимости от конкретных условий, и представителями пацифистской парадигмы, принципиально не признающих наличие у войны ни политического, никакого другого смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на пути преодоления ценностей. – М., 1995.
2. Флиер А.Я. Конфликт культурный // Высшая школа культурологи: Культурологический словарь. – СПб., 2004.
3. Флиер А.Я. Культура насилия // Личность. Культура. Общество. – 2004. – Вып.4(24). – С.202 – 210.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003.
5. Слипченко В.И. Бесконтактные войны. – М., 2001.
6. Золотарев В.А. Военная безопасность Государства Российского. – М., 2001.
7. Хофмайстер Х. Теория террористической войны // Ното philosophans. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 439 – 452.
8. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М., 2004.

9. Месснер Е.Э. *Мятеж – имя третьей всемирной // Всемирная мятежевойна.* – Жуковский; М., 2004.
10. Риккер П. *Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике.* – М., 1995.
11. Гоголь Н.В. *Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем // Повести.* – М., 1977. – С. 114 – 166.

Об авторе

Задорожный Вячеслав Викторович, соискатель кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета. Сфера научных интересов – философские и политологические проблемы современной войны.

